

Т.Н. Юдина**T. Yudina****ФАКТОРНАЯ
АРХИТЕКТУРА
МИГРАЦИОННЫХ
ПОТОКОВ В СТРАНАХ
ПОСТСОВЕТСКОГО
ПРОСТРАНСТВА: ОТ
ИНТЕГРАЦИИ К
ТУРБУЛЕНТНОСТИ
(2000–2025)****THE FACTOR
ARCHITECTURE OF
MIGRATION FLOWS IN
THE POST-SOVIET
COUNTRIES: FROM
INTEGRATION TO
TURBULENCE
(2000–2025)****Аннотация**

На постсоветском пространстве с 1990-х годов сформировалась относительно целостная евразийская миграционная система, в которой доминируют внутрирегиональные потоки и сохраняется значительная взаимозависимость стран доноров и стран реципиентов. В 2000–2025 гг. эта система развивалась в условиях сменяющих друг друга фаз интеграции и геополитической турбулентности, что отразилось на масштабах, структуре и направленности миграционных потоков. Цель исследования – реконструировать факторную архитектуру миграционных потоков в странах постсоветского пространства в 2000–2025 гг. на основе официальных данных Межгосударственного статистического комитета СНГ и авторской периодизации перехода от интеграции к турбулентности. В работе используется вторичный анализ официальной статистики международной миграции стран СНГ, представленной в ежегодных публикациях CISSTAT, с применением сравнительно динамического подхода к оценке показателей прибытия, выбытия и миграционного прироста населения в целом по региону. Факторы, определяющие динамику миграционных потоков, структурированы по четырём блокам: демографический, экономический, институционально правовой и геополитический, что позволяет рассматривать миграцию как результат сложного взаимодействия разноуровневых детерминант. Анализ показал, что в первой фазе рассматриваемого периода, связанной с посткризисным восстановлением и нарас-

Abstract

Since the 1990s, a relatively coherent Eurasian migration system has formed in the post-Soviet space, dominated by intra-regional flows and characterized by strong interdependence between sending and receiving countries. In 2000–2025 this system evolved under alternating phases of integration and geopolitical turbulence, which affected the scale, structure and direction of migration flows. The aim of the study is to reconstruct the factor architecture of migration flows in the post-Soviet countries in 2000–2025 based on official data of the Interstate Statistical Committee of the CIS and the author's periodization of the transition from integration to turbulence. The study relies on secondary analysis of official statistics on international migration in the CIS countries, presented in annual CISSTAT publications, using a comparative-dynamic approach to assessing arrival, departure and net migration indicators for the region as a whole. The factors shaping the dynamics of migration flows are structured into four blocks: demographic, economic, institutional-legal and geopolitical, which makes it possible to view migration as the outcome of a complex interaction of multi-level determinants. The analysis shows that in the first phase of the period under review, associated with post-crisis recovery and the strengthening of integration interactions, international migration within the CIS contributed to partially offsetting natural population decline in a number of countries and to strengthening their

танием интеграционного взаимодействия, международная миграция внутри СНГ способствовала частичной компенсации естественной убыли населения в ряде стран и укреплению их трудового потенциала. В последующие годы по мере институционального оформления интеграционных форматов и углубления экономических и демографических асимметрий усиливается концентрация миграционного притяжения в отдельных центрах, при этом сохраняется высокая доля внутрирегиональных перемещений. Геополитические кризисы середины 2010-х гг., а затем пандемия COVID-19 и события 2022 года, трансформируют миграционные маршруты, приводят к временному сжатию международной миграции, усилению неопределённости для мигрантов и росту демографических рисков для принимающих.

Миграционные потоки в странах постсоветского пространства в 2000–2025 гг. формируются под воздействием совокупности демографических, экономических, институционально правовых и геополитических факторов, при этом нарастание турбулентности делает миграцию одновременно ресурсом демографической устойчивости и зоной повышенной социально политической уязвимости. Уточнение факторной архитектуры миграционных потоков и её соотнесение с авторской периодизацией интеграционных и турбулентных фаз создают основу для выработки более согласованной миграционной и демографической политики в регионе.

Ключевые слова:

постсоветское пространство, международная миграция, евразийская миграционная система, интеграционные процессы, миграционные потоки, миграционная политика.

labour potential. In subsequent years, as integration formats were institutionally consolidated and economic and demographic asymmetries deepened, migration attraction became increasingly concentrated in a few centres, while the high share of intra-regional movements persisted. Geopolitical crises of the mid-2010s, followed by the COVID-19 pandemic and the events of 2022, transformed migration routes, leading to a temporary contraction of international migration, greater uncertainty for migrants and rising demographic risks for receiving countries.

Migration flows in the post-Soviet countries in 2000–2025 are shaped by a combination of demographic, economic, institutional-legal and geopolitical factors, while growing turbulence turns migration simultaneously into a resource of demographic resilience and an area of heightened socio-political vulnerability. Clarifying the factor architecture of migration flows and aligning it with the author's periodization of integration and turbulence phases creates a basis for developing a more coherent migration and demographic policy in the region.

Key words:

Post-Soviet space, Commonwealth of Independent States, international migration, Eurasian migration system, integration processes, migration flows, migration policy.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-2-22-44>

Распад СССР и формирование Содружества Независимых Государств (СНГ) задали долгосрочную рамку трансформации демографических и миграционных процессов на постсоветском пространстве, где в течение трёх десятилетий сосуществуют тенденции дезинтеграции и институциональной реинтеграции. На рубеже XX–XXI вв. именно миграционные потоки стали одним из ключевых механизмов адаптации государств региона к демографи-

ческому кризису, экономическим дисбалансам и изменению внешнеполитических приоритетов. Несмотря на рост внешних контактов отдельных стран, значительная часть миграции сохраняет внутрорегиональный характер и формирует особую евразийскую миграционную систему, в которой движение населения тесно связано с интеграционными проектами и геополитическими сдвигами¹. В этой системе сочетаются исторически сложившаяся взаимозависимость государств, единое советское наследие и новые формы регионального сотрудничества, что усиливает чувствительность миграционных процессов к изменениям демографической, экономической и политической конъюнктуры.

Период 2000–2025 гг. в развитии этой системы принципиально важен, поскольку объединяет несколько качественно различных фаз, выделенных в авторской периодизации: посткризисное восстановление и усиление интеграционных взаимодействий в первой половине 2000-х гг.; институциональное оформление интеграции и углубление асимметрий в 2009–2014 гг.; нарастание геополитической напряжённости и пандемический шок в 2015–2021 гг.; фундаментальная трансформация архитектуры региональных связей и системный кризис, радикально изменивший контекст миграционной политики и маршруты перемещения населения 2022–2025 гг.. В совокупности эти фазы отражают переход от относительно упорядоченной интеграционной динамики к состоянию структурной турбулентности, в котором миграционные потоки одновременно служат ресурсом развития и фактором нестабильности.

Демографическая ситуация в большинстве стран региона характеризуется низкой рождаемостью, старением населения и устойчивой естественной убылью, особенно в государствах – традиционных центрах притяжения мигрантов – России, Беларуси (рис. 1, 2, 3).

¹ Ивахнюк, И. В. (2020). Евразийская миграционная система: новые тренды и перспективы развития. В Материалы конференции (pp. 141–146). <https://dspace.kpfu.ru/xmlui/handle/net/184430>

Рисунок 1 – Динамика коэффициента рождаемости 2000-2024 гг. в Беларуси и России¹

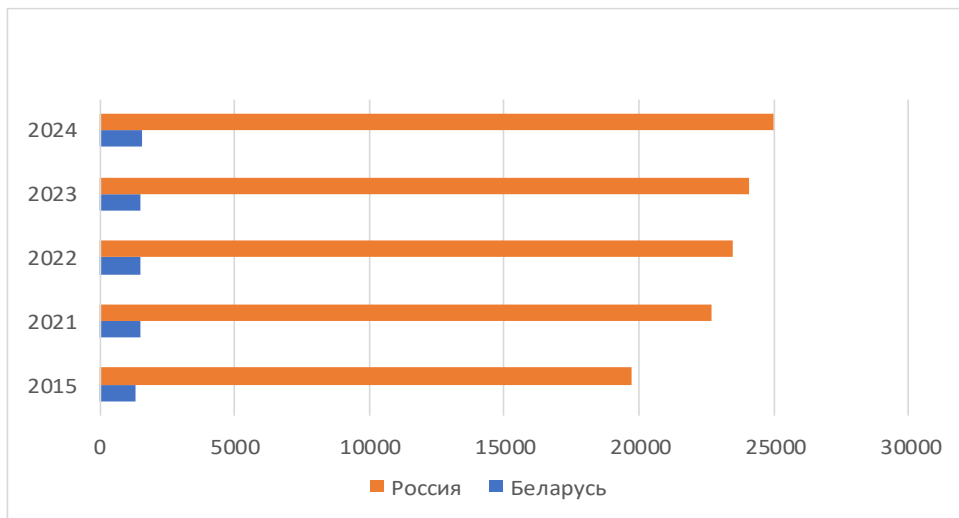

Рисунок 2 – Динамика численности населения в 2000-2024 гг. в возрасте старше 65 лет и старше в Беларуси и России²

¹ Расчет сделан на основе данных: База данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ». Межгосударственный статистический комитет СНГ. <https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home?iFrameId=44176>; Данные по Беларуси за 2020-2023 гг. в базе данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ» не представлены.

² Расчет сделан на основе данных: База данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ». Межгосударственный статистический комитет СНГ. <https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home?iFrameId=44176>.

Рисунок 3 – Динамика естественного прироста населения в 2000-2024 гг. в Беларуси и России¹

В этих условиях международная миграция часто выступает компенсаторным механизмом восполнения трудоспособного контингента и поддержания численности населения, но её потенциал зависит от экономических возможностей принимающих стран, режимов правового регулирования и шире – от геополитического контекста.

Теоретико-методически постсоветское пространство может быть рассмотрено как региональная миграционная система, в которой взаимодействие стран доноров и стран реципиентов опосредовано общим историческим наследием, общими языковыми и культурными кодами, а также наднациональными институтами интеграции. В рамках такого подхода особое значение приобретает анализ «факторной архитектуры» миграционных потоков – совокупности демографических, экономических, институционально правовых и геополитических факторов, структурно определяющих направления и интенсивность перемещения населения (Иванов, 2025).

Настоящее исследование опирается на авторскую периодизацию развития миграционных процессов на постсоветском пространстве в 2000–2025 гг., выделяющую четыре взаимосвязанных этапа, каждый из которых отражает определённую конфигурацию интеграционных и турбулентных процес-

¹ Расчет сделан на основе данных: База данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ». Межгосударственный статистический комитет СНГ. <https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home?iFrameId=44176>; Данные по Беларуси за 2020-2023 гг. в базе данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ» не представлены.

сов (Юдина, 2025) Такая периодизация позволяет соотнести динамику количественных показателей международной миграции с трансформацией демографической ситуации, экономических условий, институционального дизайна интеграционных объединений и геополитической обстановки, что создаёт основу для комплексной оценки устойчивости евразийской миграционной системы.

Цель статьи – реконструировать факторную архитектуру миграционных потоков в странах постсоветского пространства в 2000–2025 гг. на основе официальных данных Межгосударственного статистического комитета СНГ по международной миграции и авторской периодизации перехода от интеграции к турбулентности.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней проводится комплексный анализ международной миграции в странах СНГ в 2000–2025 гг. исключительно на основе сопоставимых данных Межгосударственного статистического комитета СНГ (CISSTAT) (Чудиновских, 2014) с использованием авторской периодизации, позволяющей связать динамику миграционных показателей с ключевыми интеграционными и геополитическими сдвигами. Дополнительным результатом является концептуализация «факторной архитектуры» миграционных потоков, которая может быть использована как аналитический инструмент при разработке национальной и региональной миграционной политики.

Теоретико-методологическую основу исследования составляет комплексный подход, сочетающий элементы теории миграционных систем (Ивахнюк, 2008) и демографического анализа (Рыбаковский & Таянова, 2014), что позволяет рассматривать постсоветское пространство как особую евразийскую миграционную систему со специфической конфигурацией связей между странами донорами и странами реципиентами. В рамках этого подхода миграционные потоки интерпретируются как результат взаимодействия структурных факторов (демографических, экономических, институционально правовых, геополитических) и субъективных стратегий домохозяйств и отдельных мигрантов, однако в данной работе акцент делается на макроуровневой, структурной составляющей.

Ключевым аналитическим инструментом выступает концепция «факторной архитектуры» (Уханова & др., 2021; Ганебных & Моттаева, 2023) (архитектурно-демографического проектирования) миграционных потоков, под которой понимается совокупность и внутренняя иерархия факторов, определяющих масштаб, направленность и устойчивость миграции в пределах региональной системы. В контексте постсоветского пространства в эту архитектуру включаются демографический блок (рождаемость, смертность,

естественный прирост, возрастная структура населения), экономический блок (разрыв в уровнях доходов, структура занятости, потребность в рабочей силе), институционально правовой блок (режимы въезда, пребывания и трудоустройства, интеграционные соглашения и двусторонние договоры) и геополитический блок (конфликты, санкции, изменение внешнеполитических ориентаций) (Бычкова, 2025).

Эмпирическую базу исследования составляют официальные статистические данные Межгосударственного статистического комитета СНГ по разделу «Международная миграция», включающие показатели численности прибывших и выбывших, миграционного прироста и соответствующих коэффициентов для стран СНГ и региона в целом в 2000–2024 гг. Используются данные сводных таблиц, размещённых на официальном сайте CISSTAT, а также данные, интегрированные в ранее подготовленные авторские аналитические материалы, что обеспечивает сопоставимость показателей во времени и между странами. Анализ статистики строится исключительно на основе единого источника – CISSTAT, что позволяет избежать методологических расхождений, связанных с различиями национальных систем учета миграции. Методический инструментарий включает: вторичный анализ официальной статистики международной миграции стран СНГ; сравнительно динамический анализ показателей прибытия, выбытия и миграционного прироста по четырем временным интервалам, отражающим авторскую периодизацию 2000–2025 гг.; использование нормированных показателей (на 10 тыс. населения), представленных в статистических сборниках CISSTAT, что позволяет учитывать демографический масштаб стран и сопоставлять интенсивность миграционных процессов; качественную интерпретацию статистической динамики через призму демографических, экономических, институционально правовых и геополитических процессов, протекающих в регионе.

Авторская периодизация развития миграционных процессов на постсоветском пространстве в 2000–2025 гг., использованная в работе, выделяет четыре этапа, каждый из которых соотносится с определенной конфигурацией интеграционных и турбулентных процессов, зафиксированных как в статистике, так и в институциональной и геополитической плоскостях. Первый этап охватывает начало 2000-х гг. и связан с посткризисным восстановлением и нарастанием интеграционных взаимодействий; второй этап характеризуется институциональным оформлением интеграционных объединений и усилением асимметрий; третий этап отражает период нарастающей геополитической напряженности и пандемического шока; четвертый этап связан фундаментальной трансформацией архитектуры региональных связей и системного кризиса начала 2020-х гг. Такая логика позволяет анализировать миграцию

не как линейный процесс, а как последовательность фаз, в которых меняются доминирующие факторы и баланс интеграции и турбулентности.

Ограничения исследования обусловлены, во-первых, рамками официальной статистики международной миграции, которая не полностью отражает масштабы временной, сезонной и нелегальной миграции, а во-вторых, невозможностью в рамках одной статьи детально рассмотреть различия между отдельными странами СНГ, что требует отдельного анализа. Тем не менее использование сопоставимых данных CISSTAT и опора на авторскую периодизацию позволяют проследить ключевые тенденции и реконструировать факторную архитектуру миграционных потоков в целом по региону.

Этап посткризисного восстановления и углубления интеграционных взаимодействий (2000–2008 гг.)

Первый этап рассматриваемого периода связан с преодолением последствий системного кризиса 1990-х гг. и постепенным формированием более устойчивой конфигурации миграционного обмена между странами СНГ. В условиях стабилизации экономической ситуации, снижения масштабов социального шока и укрепления межгосударственных рамок сотрудничества в сфере СНГ международная миграция начинает выполнять функцию канала перераспределения трудовых ресурсов и частичной компенсации естественной убыли населения в странах реципиентах (Choudinovskikh & Denisenko, 2014).

По данным CISSTAT, в первой половине 2000-х гг. фиксируется рост показателей прибытия и выбытия населения в большинстве стран СНГ, при этом для ряда государств характерно положительное сальдо международной миграции, позволяющее частично компенсировать отрицательный естественный прирост (рис. 4, 5, 6).

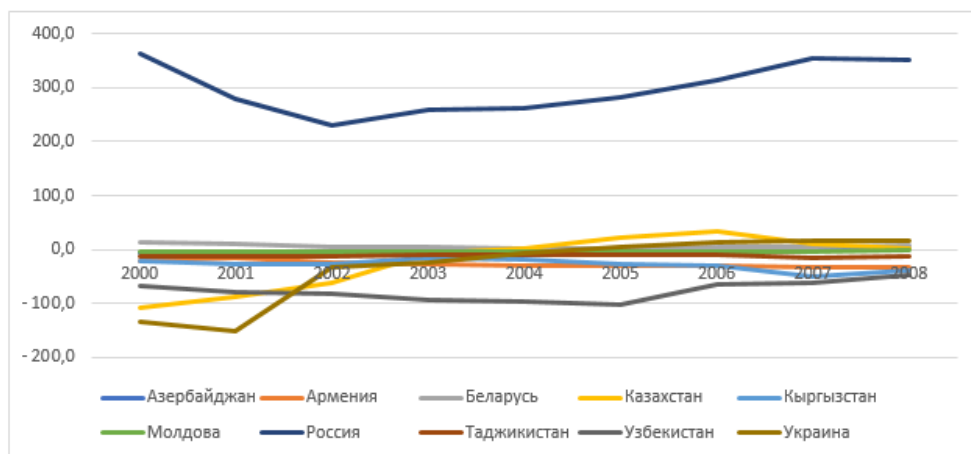

Рисунок 4 – Динамика миграционного прироста по странам СНГ 2000-2008 гг. (тыс. человек)¹

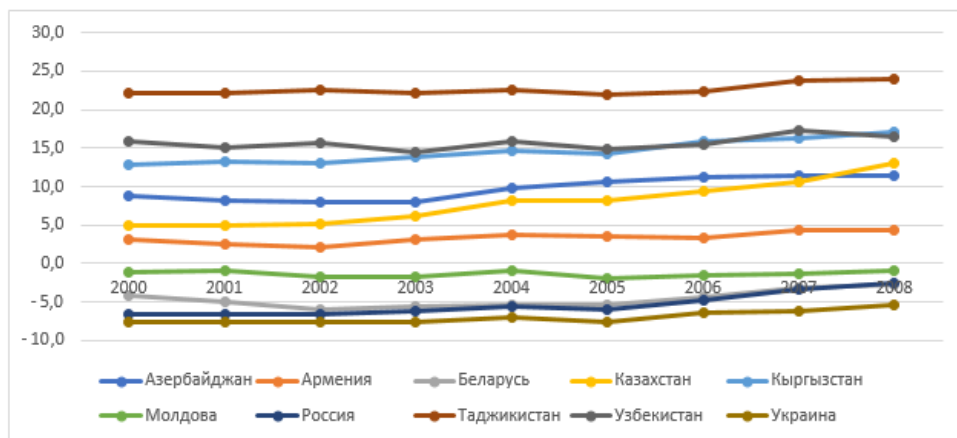

Рисунок 5 – Динамика общего коэффициента естественного прироста населения по странам СНГ²

¹ Расчет сделан на основе данных: База данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ». Межгосударственный статистический комитет СНГ. <https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home?iFrameId=44176>

² Расчет сделан на основе данных: База данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ». Межгосударственный статистический комитет СНГ. <https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home?iFrameId=44176>

На уровне региона в целом это выражается в формировании устойчивого миграционного притока, который смягчает демографические последствия низкой рождаемости и повышенной смертности, особенно в старших возрастных группах (Вишневский, 2015).

Структура миграционных потоков на данном этапе во многом определяется наследием советского периода – общими языковыми и образовательными пространствами, связями между крупными индустриальными центрами и периферийными регионами, а также сетями родственных и профессиональных контактов. В то же время уже в начале 2000-х намечается переход от преимущественно вынужденной миграции, характерной для 1990-х годов, к более «обычной» трудовой миграции, связанной с поиском занятости и более высоких доходов в странах реципиентах (Зайончковская & Тюрюканова, 2019).

Интеграционные процессы в рамках СНГ, включая развитие договорно-правовой базы и координацию миграционной политики, вносят вклад в упрощение процедур перемещения и регистрации мигрантов, что отражается в постепенной стабилизации показателей международной миграции и повышении их предсказуемости. На этом этапе факторная архитектура миграционных потоков характеризуется относительным доминированием демографического и экономического блоков при еще ограниченном воздействии геополитических факторов, что позволяет говорить о преимущественно интеграционной логике развития евразийской миграционной системы (Apanovich, 2020).

Этап институционального оформления интеграции и усиления асимметрий (2009–2014 гг.)

Второй этап, приходящийся на конец 2000-х – первую половину 2010-х гг., связан с углублением интеграционных проектов и институциональным оформлением новых форм сотрудничества, включая Таможенный союз и Евразийский экономический союз (ЕАЭС), что оказывает значимое влияние на миграционные процессы. Расширение свободы движения рабочей силы между отдельными странами, упрощение режимов пребывания и трудоустройства для граждан государств – участниц интеграционных объединений стимулируют рост внутрирегиональной миграции и закрепление определенных маршрутов (Apanovich, 2020).

Данные CISSTAT свидетельствуют о сохранении и в ряде случаев усилении положительного миграционного прироста в странах – центрах притяжения (см., рис. 6), что позволяет им компенсировать продолжающуюся естественную убыль населения, фиксируемую в сводных таблицах естественного движения населения СНГ за этот период (см., табл. 1).

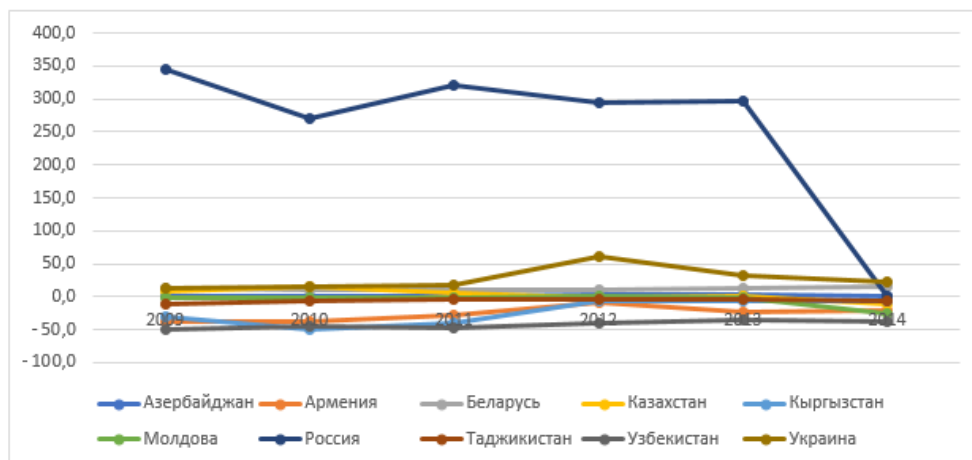

Рисунок 6 – Динамика миграционного прироста/убыли 2009-2014 гг. по странам СНГ (тыс. чел.)¹

Таблица 1. Динамика общего коэффициента естественного прироста населения по странам СНГ 2009-2015 гг.

Страны	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Азербайджан	11,3	12,5	13,5	13,0	12,8	12,2
Армения	5,5	5,5	5,1	4,9	4,8	5,1
Беларусь	-2,7	-3,0	-2,8	-1,2	-0,7	-0,3
Казахстан	13,3	13,6	13,8	14,2	14,7	15,5
Кыргызстан	18,1	20,1	20,5	21,0	20,9	21,4
Молдова	-0,4	-0,9	0,0	0,0	-0,1	0,4
Россия	-1,8	-1,7	-0,9	0,0	0,2	0,3
Таджикистан	22,8	27,5	24,7	23,5	22,0	23,8
Узбекистан	18,6	17,2	16,3	16,1	17,7	18,4
Украина	-4,2	-4,4	-3,5	-3,1	-3,5	-3,9

¹ Расчет сделан на основе данных: База данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ». Межгосударственный статистический комитет СНГ. <https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home?iFrameId=44176>; Данные по России за 2024 год в базе данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ» не представлены.

Вместе с тем в этот период становится более выраженной асимметрия между странами донорами и странами реципиентами: первые сталкиваются с устойчивыми демографическими потерями, а вторые – с нарастающей структурной зависимостью от притока мигрантов для поддержания своих рынков труда (Баранов, 2022).

Институционализация интеграции сопровождается усложнением нормативно правовой архитектуры миграционной политики: появляются новые соглашения о правовом статусе трудящихся мигрантов, механизмы признания квалификаций, инструменты контроля и учета, что серьезно влияет на качественный состав миграционных потоков. Факторная архитектура в этот период характеризуется усилением роли институционально правового блока, который начинает в значительной степени задавать рамки миграции, при этом демографические и экономические факторы сохраняют свою значимость, но действуют уже в модифицированной институциональной среде (Тарасьев, 2016).

Одновременно нарастают внутренние и внешние асимметрии: различия в уровне экономического развития, качестве институтов, динамике демографических показателей и устойчивости политических режимов усиливают неоднородность евразийской миграционной системы. Это проявляется как в концентрации миграционного притяжения в ограниченном числе стран и крупнейших агломераций, так и в росте уязвимости государств доноров, испытывающих отток трудоспособного населения на фоне собственных демографических вызовов (Kaushik, 2024).

Этап нарастающей геополитической напряженности и пандемического шока (2015–2021 гг.)

Третий этап авторской периодизации охватывает период с середины 2010-х до начала 2020-х гг. и характеризуется комбинацией трех групп факторов: углублением геополитических противоречий вокруг постсоветского пространства, трансформацией санкционных режимов и масштабным шоком, обусловленным пандемией COVID-19. Эти факторы радикально усложняют внешнюю и внутреннюю среду функционирования евразийской миграционной системы и усиливают роль политико-правовых ограничений по отношению к традиционным демографическим и экономическим драйверам миграции (Глушкова, 2024).

По данным Межгосударственного статистического комитета СНГ, в середине 2010-х гг. международная миграция продолжает вносить вклад в демографическую динамику стран-реципиентов: сохраняется положительное сальдо международной миграции, позволяющее компенсировать отрицательный естественный прирост и стабилизировать численность населе-

ния (см., рис. 7). Однако темпы роста миграционного прироста замедляются, а в ряде государств наблюдаются эпизоды снижения его величины, что отражает повышение чувствительности миграционных потоков к санкционным и кризисным шокам (Рязанцев & Хорхордин, 2020).

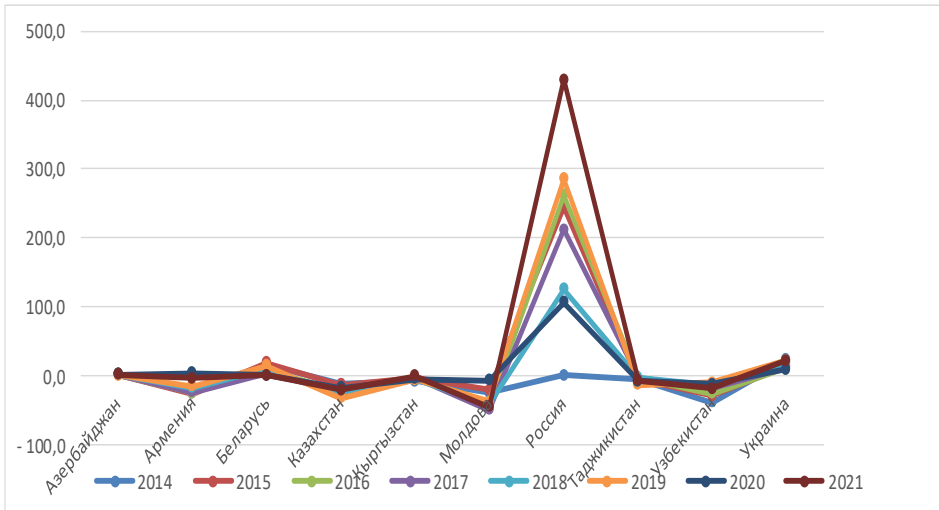

Рисунок 7 – Динамика миграционного прироста международной миграции в странах СНГ, 2015–2021 гг.¹.

Геополитическая напряженность, связанная с конфликтом на Украине и последующим распространением санкционной практики, изменяет структуру стимулов для мигрантов и принимающих стран: усиливаются риски правовой и экономической нестабильности, возрастает неопределенность долгосрочных траекторий развития, что снижает привлекательность отдельных направлений миграции. В то же время сохраняющаяся дифференциация уровней заработной платы и качества занятости между странами СНГ продолжает поддерживать миграционное давление со стороны государств-доноров, особенно в отношении молодого трудоспособного населения (Денисенко, 2023).

¹ Расчет сделан на основе данных: База данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ». Международная миграция. Межгосударственный статистический комитет СНГ. <https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home?iFrameId=44176>; Данные по России за 2014 год в базе данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ» не представлены.

Кульминацией данного этапа становится пандемия COVID-19 в 2020–2021 гг., которая приводит к беспрецедентному по масштабу и скорости введению ограничений на международную мобильность населения. Закрытие границ, сокращение международного авиасообщения, введение карантинных режимов и санитарных требований неминуемо отражаются на объемах и структуре международной миграции: официальная статистика CISSTAT фиксирует существенное снижение числа прибывших и выбывших в 2020–2021 гг., а также изменение интенсивности миграционного прироста¹.

Для евразийской миграционной системы это означает временный разрыв устоявшихся маршрутов и практик мобильности: многие трудовые мигранты оказываются в ситуации невозможности вернуться на родину или выехать в страну назначения, регулярно сталкиваются с потерей занятости и необходимостью адаптации к новым формам работы и контроля. Для стран-доноров это чревато сокращением денежных переводов, ухудшением положения домохозяйств и усилением социальной уязвимости, особенно в регионах с высокой долей миграционных доходов (Картографирование..., 2021).

В рамках факторной архитектуры миграционных потоков в 2015–2021 гг. заметно усиливается роль геополитического и рискованного компонентов: миграция становится объектом не только экономического и демографического регулирования, но и инструментом внешнеполитического давления, а также индикатором устойчивости национальных систем здравоохранения и социальной защиты. При этом демографический и экономический блоки сохраняют свое значение, однако их воздействие опосредуется растущей ролью ограничений и запретов, что приводит к временной «заморозке» части миграционного потенциала и формированию отложенного спроса на миграцию в постпандемийный период (Тарасьев, 2016).

Этап фундаментальной трансформации архитектуры региональных связей и системный кризис (2022–2025 гг.)

Четвертый этап охватывает период, когда геополитическая турбулентность достигает максимальной интенсивности: события 2022 года, расширение и ужесточение санкционных режимов, изменение внешнеполитических и экономических ориентиров ряда государств. Эти процессы радикально трансформируют контекст функционирования евразийской миграционной

¹ Измерение масштабов миграции в условиях пандемии: результаты опроса ЕЭК ООН в странах Восточной Европы, Кавказа и Центральной Азии [Measuring migration in times of pandemic: Results of a UNECE survey in Eastern Europe, Caucasus and Central Asia]. (2021, 26–28 октября). Онлайн-встречи ЕЭК ООН по вопросам статистики миграции. <https://unece.org/info/Statistics/events/358455>

системы, одновременно усиливая ее внутренние напряжения и стимулируя поиск новых маршрутов и форматов взаимодействия (Глушкова, 2023).

Доступные на момент подготовки исследования данные CISSTAT, охватывающие временной интервал до 2024-2025 гг., фиксируют неоднозначную динамику международной миграции: в одних случаях наблюдается сокращение официально регистрируемых потоков, в других – их частичная перестройка с изменением направленности и состава мигрантов (см., рис. 8).

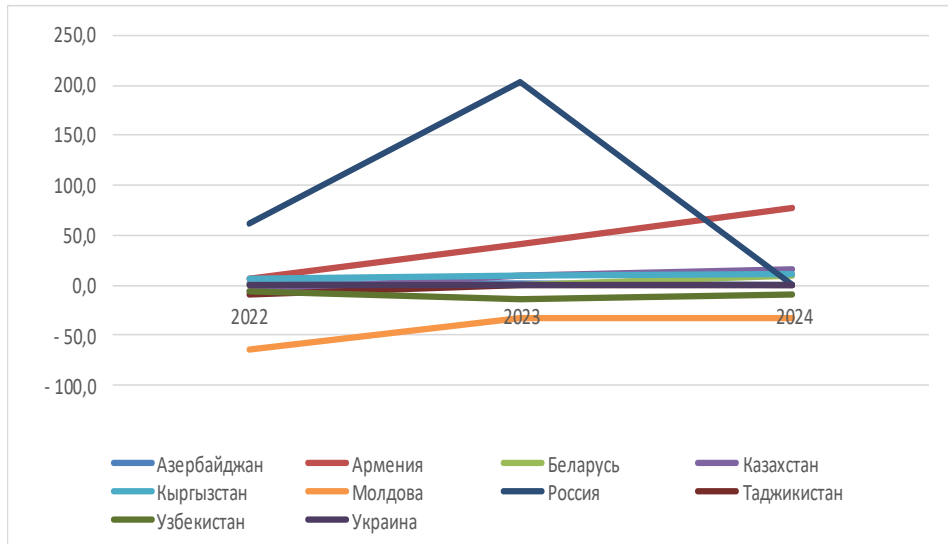

Рисунок 8. Динамика миграционного прироста/убыли в странах СНГ в 2022- 2024 гг. (в тыс. человек)¹

Важной тенденцией становится переориентация части миграционных потоков за пределы СНГ, в том числе в третьи страны, при сохранении значимого объема внутрирегиональной миграции, обусловленной демографическими и экономическими факторами (Леденева, 2024).

Для стран реципиентов миграция по-прежнему остается важным инструментом демографической компенсации и поддержания трудового потен-

¹ Расчет сделан на основе данных: База данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ». Международная миграция // Межгосударственный статистический комитет СНГ. <https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home?iFrameId=44176>; Данные по Украине за 2022 и 2023 гг; по Беларуси, Таджикистан за 2023-2024 гг., Россия за 2024 год в базе данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ» не представлены.

циала, однако ее использование осложняется неопределенностью санкционных режимов, изменением логистики и финансовых каналов, а также необходимостью адаптации национального законодательства к быстро меняющемуся контексту. Для стран-доноров, прежде всего с относительно молодым возрастным составом и сохраняющейся высокой рождаемостью, сохраняется риск усиления демографических потерь и «утечки» трудоспособного населения, особенно в условиях ограниченных возможностей для его продуктивного использования в национальных экономиках.

В факторной архитектуре миграционных потоков в 2022–2025 гг. геополитический блок фактически задает рамки для действия демографических, экономических и институционально правовых факторов, переводя миграцию в разряд одновременно жизненно важного ресурса и чувствительного геополитического индикатора. Евразийская миграционная система в этих условиях функционирует в режиме высокой турбулентности, что требует от государств региона более гибкой и координированной миграционной политики и развития механизмов мониторинга и прогнозирования миграционных процессов (Волкова & др., 2025).

Демографический блок факторной архитектуры миграционных потоков включает показатели рождаемости, смертности, естественного прироста и возрастной структуры населения, которые в странах СНГ в 2000–2025 гг. демонстрируют устойчивые признаки демографического старения и в ряде случаев – депопуляции. Для государств – центров миграционного притяжения характерно сочетание низкой рождаемости, повышенной смертности в отдельных возрастных группах и дефицита трудоспособного населения, что объективно усиливает потребность в миграционной подпитке рынков труда (Топилин, 2019).

Данные CISSTAT показывают, что во всех выделенных периодах международная миграция вносит вклад в компенсацию естественной убыли населения, однако этот вклад неодинаков: в интеграционных фазах он более выражен, тогда как в фазах турбулентности влияние миграции ослабляется из-за сокращения потоков и роста В долгосрочной перспективе это формирует риск устойчивой демографической зависимости от миграции при ограниченности внутренних резервов обновления населения¹.

Особое значение имеет дифференциация демографических траекторий внутри постсоветского пространства: «старые» демографически развитые

¹ Round of population censuses 2020: Migration of the population of the CIS countries. (2024, May 7–8). Conference of European Statisticians, Group of Experts on Migration Statistics, Geneva, Switzerland. <https://unece.org/sites/default/files/2024-04/7.Census%20WP13%20CIS%20Zbarskaya%20ENG.pdf>

страны с завершенным демографическим переходом и высокой долей пожилого населения соседствуют с более «молодыми» обществами с относительно высокой рождаемостью. Такое сочетание создает структурную основу для постоянного демографического «перетока» населения в рамках евразийской миграционной системы и закрепляет долгосрочную зависимость ряда стран от притока мигрантов из государств-доноров.

Экономический блок факторов охватывает различия в уровне экономического развития, доходов населения, структуре рынков труда и качестве занятости, которые формируют мотивацию к выезду и притяжение стран реципиентов. В рамках евразийской миграционной системы экономические дисбалансы между странами СНГ играют роль классического push–pull механизма: дефицит рабочих мест и низкий уровень заработной платы в странах донорах сочетаются с относительным избытком вакансий в секторах, ориентированных на мигрантский труд, в странах реципиентах (Kaushik, 2024)

В интеграционных фазах экономический блок способствует росту объемов и относительной стабильности миграционных потоков, поскольку интеграционные соглашения снижают транзакционные издержки и повышают предсказуемость условий занятости и пребывания мигрантов. В фазах турбулентности экономические факторы сохраняют свое значение, но их действие модифицируется санкциями, кризисами и пандемическими ограничениями, что может приводить как к временной «заморозке» миграционных планов, так и к усилению отложенного миграционного давления (Choudinovskikh & Denisenko, 2013).

Таким образом, экономический блок выступает одновременно источником устойчивого миграционного давления и каналом адаптации к кризисам, однако степень его влияния на миграционные потоки существенно зависит от того, в какой мере геополитический и институционально-правовой блоки позволяют реализовать экономические мотивации мигрантов (Тарасьев и др., 2016).

Институционально правовой блок включает в себя нормативно правовые акты СНГ и ЕАЭС, двусторонние соглашения, национальное миграционное законодательство и практики его применения, которые определяют режимы въезда, пребывания и трудоустройства граждан стран региона. В 2000–2025 гг. происходит существенная эволюция этого блока: от относительно фрагментарного регулирования в начале периода к более сложной и

дифференцированной архитектуре, включающей наднациональные элементы, механизмы координации и контроля¹.

Институционализация интеграции в форме Таможенного союза и ЕАЭС создает дополнительные стимулы для легальной миграции в пределах объединения, расширяя пространство свободного перемещения рабочей силы и снижая барьеры для мобильности граждан стран-участниц. В то же время в условиях нарастающей геополитической турбулентности усиливаются контрольные и ограничительные элементы миграционной политики: ужесточаются отдельные режимы, вводятся новые требования и механизмы мониторинга, что способно как повышать защищенность мигрантов, так и осложнять доступ к легальным каналам миграции

В логике рассматриваемого периода институционально-правовой блок постепенно превращается из «фона» миграционных процессов в один из ключевых инструментов их регулирования. Через него государства региона одновременно реагируют на демографические и экономические вызовы, управляют социальными рисками и адаптируются к внешнеполитической конъюнктуре.

Геополитический блок в рассматриваемый период и особенно на его финальных этапах становится ключевым источником турбулентности для евразийской миграционной системы. Конфликты, санкционные режимы, изменение внешнеполитических приоритетов и конкуренция внешних центров силы приводят к тому, что миграция превращается не только в демографический и экономический ресурс, но и в чувствительный геополитический индикатор, влияющий на восприятие региональной стабильности.

В фазах геополитической напряженности и открытых конфликтов традиционные миграционные маршруты частично блокируются или становятся менее предсказуемыми, усиливается роль третьих стран как альтернативных направлений для мигрантов, а также возрастает значение внутрисистемных перемещений в пределах СНГ. Пандемия COVID 19, будучи глобальным, а не только региональным фактором, усиливает влияние геополитического блока за счет временного закрытия границ и необходимости координации санитарных и миграционных режимов².

¹ Гулина, О. Р. (2021). Миграция как (гео)политический вызов на постсоветском пространстве. <https://infosphereinvaders.wilsoncenter.org/book/migration-geo-political-challenge-post-soviet-space>

² Измерение масштабов миграции в условиях пандемии: результаты опроса ЕЭК ООН в странах Восточной Европы, Кавказа и Центральной Азии [Measuring migration in times of pandemic: Results of a UNECE survey in Eastern Europe, Caucasus and Central Asia]. (2021, 26–28 октября). Онлайн-встречи ЕЭК ООН по вопросам статистики миграции. <https://unece.org/info/Statistics/events/358455>

В результате к концу рассматриваемого периода геополитический блок начинает перекрывать действие экономических и демографических стимулов, задавая рамки возможного и допустимого для миграции и превращая ее в индикатор устойчивости и направления развития постсоветского пространства. Это усиливает значимость согласованной внешней и миграционной политики, а также механизмов стресс-тестирования региональной миграционной системы на предмет ее устойчивости к внешним шокам

Анализ международной миграции в странах постсоветского пространства в 2000–2025 гг. на основе данных Межгосударственного статистического комитета СНГ и авторской периодизации показал, что эволюция евразийской миграционной системы представляет собой последовательность фаз, в которых меняется баланс интеграционных и турбулентных процессов. В интеграционно ориентированных этапах миграционные потоки выполняют функцию демографической и экономической компенсации, способствуя сглаживанию дисбалансов и укреплению взаимозависимости стран региона, тогда как в фазах турбулентности усиливаются геополитические риски, возрастает неопределенность и сокращается потенциал миграции как ресурса устойчивого развития. Такое чередование фаз задает для государств региона принципиально различный контекст формирования и реализации миграционной политики.

Реконструкция факторной архитектуры миграционных потоков позволила показать, что демографический, экономический, институционально правовой и геополитический блоки не действуют изолированно, а образуют динамичную иерархию, в которой роль каждого из них меняется от этапа к этапу. В условиях демографического старения и депопуляции миграция выступает важным инструментом поддержания численности и структуры трудоспособного населения, однако ее эффективность определяется не только экономическими стимулами, но и качеством институциональной среды и устойчивостью геополитического контекста. Именно сочетание этих блоков задает рамки того, в какой мере миграция способна выполнять компенсаторные и развивающие функции в долгосрочной перспективе

Практическая значимость проведенного анализа состоит в том, что он позволяет более четко обозначить условия, при которых миграция может использоваться как инструмент демографической и экономической стабилизации, и те риски, которые возникают в условиях нарастающей геополитической турбулентности. Для стран СНГ и интеграционных объединений критически важно развивать согласованные подходы к миграционной и демографической политике, усиливать координацию статистического и аналитического обеспечения на базе CISSTAT, а также выстраивать механизмы мо-

ниторинга и прогнозирования миграционных процессов, учитывающие многослойную факторную архитектуру. Особое значение приобретает интеграция демографических, экономических и политико-правовых индикаторов в единую систему аналитической поддержки принятия решений.

Перспективы дальнейших исследований связаны с более детальным сравнительным анализом стран-доноров и стран-реципиентов, оценкой влияния миграции на региональные рынки труда и социальную структуру, а также изучением новых маршрутов и форм мобильности, обусловленных цифровизацией, транснациональными сетями и продолжающимися геополитическими изменениями. Дополнительным направлением может стать анализ микроуровневых стратегий мигрантов и домохозяйств в увязке с макроуровневыми структурными факторами, что позволит глубже понять взаимосвязь между индивидуальными траекториями мобильности и архитектурой региональной миграционной системы.

Литература

Apanovich, M. (2020). Current migration trends in Russia: The role of the CIS region twenty years after the collapse of the Soviet Union. *Transnational Migration and Border-Making* (pp. 145–163). Edinburgh University Press. <https://doi.org/10.3366/edinburgh/9781474453486.003.0007>

Choudinovskikh, O., & Denisenko, M. (2014). Migration between CIS countries. XIV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4-х книгах. Книга 2 М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2014. С. 151–162.

Gulina, O. R. (2021). Migration as a (geo-) political challenge in the Post-Soviet space: Border regimes, policy choices, visa agendas. *ibidem Press*.

Kaushik, H. (2024). An analysis of the implications of Post-Soviet migration from CIS. *Journal of Research Administration*, 6(2), 155–176. <https://journalra.org/index.php/jra/article/view/1986>

Баранов, А. В. (2022). Миграционные процессы на постсоветском пространстве: демографические вызовы и политические ответы. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*, 22(4), 587–605.

Бычкова, А. А. (2025). Классификация социально-экономических факторов пространственной неоднородности, влияющих на миграционные потоки. *Векторы благополучия: экономика и социум*, 53(2), 13–25. <https://doi.org/10.18799/26584956/2025/2/1965>

Вишневский, А. Г. (2015). Демографическая модернизация России 1900–2000. Новое издательство.

Волкова, О. А., Юдина, Т. Н., & Леденева, В. Ю. (2025). Показатели демографической безопасности Евразийского экономического союза. *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*, 18(8), 1622–1632.

Ганебных, Е. В., & Моттаева, А. Б. (2023). Миграционный фактор в проектировании развития территории. Экономика, предпринимательство и право, 13(5), 1423–1434.

Глушкова, И. И. (2023). Евразийская миграционная система в условиях геополитической турбулентности. Россия и современный мир, 1(118), 45–63.

Денисенко, М. Б. (2023). Демографические изменения в странах СНГ и национальные трансферты. Доклад Межгосударственного статистического комитета СНГ.

Иванов, М. С. (2025). Эволюция миграционной политики стран Евразийского экономического союза. ДЕМИС. Демографические исследования, 5(2), 157–173. <https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.10>

Ивахнюк, И. В. (2008). Евразийская миграционная система: теория и политика. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения, (2), 21–28.

Ивахнюк, И. В. (2008б). Факторы формирования миграционной системы в постсоветской Евразии. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика, (3), 5–13.

Леденева, В. Ю. (2024). Управление миграционными процессами в странах Евразийского экономического союза: сравнительный анализ. ДЕМИС. Демографические исследования, 4(3), 154–166.

Рыбаковский, О. Л., & Таюнова, О. А. (2014). О некоторых аспектах демографического анализа. Народонаселение, (1), 44–53.

Рязанцев, С. В., & Хорхордин, А. П. (2020). Евразийская миграционная система в условиях мировых кризисов. Социологические исследования, (9), 34–45.

Тарасьев, А., Цао, Г., & Ровенская, Е. (2016). Миграционные потоки и эффекты в странах СНГ: динамическое моделирование. Современная экономика, 7, 799–814. <https://doi.org/10.4236/me.2016.77082>

Топилин, А. В. (2019). Демографическая безопасность России и стран СНГ: фактор миграции. Наука.

Уханова, А. В., Смиренникова, Е. В., & Воронина, Л. В. (2021). Классификация факторов миграции населения Российской Арктики. Фундаментальные исследования, (4), 123–129. <https://doi.org/10.17513/fr.43011>

Чудиновских, О. С. (2014). Статистика международной миграции в России и странах СНГ: проблемы сопоставимости. Вопросы статистики, (6), 3–15.

Юдина, Т. Н. (2025). Мониторинг динамики миграционных процессов стран постсоветского пространства в условиях интеграционных процессов и геополитической турбулентности. Т. К. Ростовская (Ред.), VI Всероссийский демографический форум с международным участием: Сб. материалов (pp. 182–186). ФНИСЦ РАН.

Зайончковская, Ж. А., & Тюрюканова, Е. В. (2019). Трудовая миграция в странах СНГ: новые тенденции и регулятивные режимы. Демографическое обозрение, 6(1), 6–33.

References

- Apanovich, M. (2020). Current migration trends in Russia: The role of the CIS region twenty years after the collapse of the Soviet Union. In *Transnational migration and border-making* (pp. 145–163). Edinburgh University Press. <https://doi.org/10.3366/edinburgh/9781474453486.003.0007>
- Baranov, A. V. (2022). Migration processes in the Post-Soviet space: Demographic challenges and political responses. *RUDN Journal of Sociology*, 22(4), 587–605. (In Russ).
- Bychkova, A. A. (2025). Classification of socio-economic factors of spatial heterogeneity affecting migration flows. *Vectors of Well-Being: Economics and Sociology, 53*(2), 13–25. <https://doi.org/10.18799/26584956/2025/2/1965> (In Russ).
- Choudinovskikh, O., & Denisenko, M. (2014). Migration between CIS countries. In *XIV April International Academic Conference on Economic and Social Development: In 4 books* (Book 2, pp. 151–162). HSE Publishing House. (In Russ).
- Chudinovskikh, O. S. (2014). International migration statistics in Russia and CIS countries: Problems of comparability. *Statistical Issues*, (6), 3–15. (In Russ).
- Denisenko, M. B. (2023). *Demograficheskie izmeneniya v stranakh SNG i natsional'nye transferty* [Demographic changes in CIS countries and national transfers]. Mezhdgosudarstvennyy statisticheskiy komitet SNG. (In Russ).
- Ganebnykh, E. V., & Mottaeva, A. B. (2023). Migration factor in territory development planning. *Economics, Entrepreneurship and Law*, 13(5), 1423–1434.
- Glushkova, I. I. (2023). Eurasian migration system in the context of geopolitical turbulence. *Russia and the Contemporary World*, 1(118), 45–63. (In Russ).
- Gulina, O. R. (2021). *Migration as a (geo-)political challenge in the Post-Soviet space: Border regimes, policy choices, visa agendas*. ibidem Press.
- Ivanov, M. S. (2025). Evolution of migration policy in the Eurasian Economic Union countries. *DEMIS. Demographic Studies*, 5(2), 157–173. <https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.10> (In Russ).
- Ivakhnyuk, I. V. (2008). Eurasian migration system: Theory and politics. *RUDN Journal of International Relations*, (2), 21–28. (In Russ).
- Ivakhnyuk, I. V. (2008b). Factors of formation of the migration system in Post-Soviet Eurasia. *RUDN Journal of Economics*, (3), 5–13. (In Russ).
- Kaushik, H. (2024). An analysis of the implications of Post-Soviet migration from CIS. *Journal of Research Administration*, 6(2), 155–176. <https://journlra.org/index.php/jra/article/view/1986>
- Ledeneva, V. Yu. (2024). Management of migration processes in the Eurasian Economic Union countries: Comparative analysis. *DEMIS. Demographic Studies*, 4(3), 154–166. (In Russ).
- Rybakovskiy, O. L., & Tayunova, O. A. (2014). On some aspects of demographic analysis. *Population*, (1), 44–53. (In Russ).
- Ryazantsev, S. V., & Khorkhordin, A. P. (2020). Eurasian migration system in the context of global crises. *Sociological Studies*, (9), 34–45. (In Russ).

Tarashev, A., Cao, G., & Rovenskaya, E. (2016). Migration flows and effects in CIS countries: Dynamic modeling. *Modern Economy*, 7, 799–814. <https://doi.org/10.4236/me.2016.77082> (In Russ).

Topilin, A. V. (2019). *Demograficheskaya bezopasnost' Rossii i stran SNG: faktor migratsii* [Demographic security of Russia and CIS countries: The migration factor]. Nauka. (In Russ).

Ukhanova, A. V., Smirennikova, E. V., & Voronina, L. V. (2021). Classification of migration factors of the population of the Russian Arctic. *Fundamental Research*, (4), 123–129. <https://doi.org/10.17513/fr.43011> (In Russ).

Vishnevskiy, A. G. (2015). *Demograficheskaya modernizatsiya Rossii 1900–2000* [Demographic modernization of Russia 1900–2000]. Novoe izdatel'stvo. (In Russ).

Volkova, O. A., Yudina, T. N., & Ledeneva, V. Yu. (2025). Indicators of demographic security of the Eurasian Economic Union. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 18(8), 1622–1632. (In Russ).

Yudina, T. N. (2025). Monitoring of migration dynamics in Post-Soviet states under integration processes and geopolitical turbulence. In T. K. Rostovskaya (Ed.), *VI Vserossiyskiy demograficheskiy forum s mezhdunarodnym uchastiem: Sb. materialov* [6th All-Russian Demographic Forum with International Participation: Collection of materials] (pp. 182–186). FNISTS RAN. (In Russ).

Zayonchkovskaya, Zh. A., & Tyuryukanova, E. V. (2019). Labor migration in CIS countries: New trends and regulatory regimes. *Demographic Review*, 6(1), 6–33. (In Russ).

Для цитирования: Юдина, Т. Н. Факторная архитектура миграционных потоков в странах постсоветского пространства: от интеграции к турбулентности (2000–2025) / Т. Н. Юдина // PolitBook. – 2026. – № 2. – С. 22–44. – DOI 10.24412/2227-1538-2026-2-22-44.